Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Продолжение. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 131

Снабженец тяглового типа

Обо мне написать «боевитый» было бы справедливо. Но боевитый ради других, не для себя. До вероятности много помогая близким и далеким людям, я приходил в недоумение: когда требовалась помощь мне, меня же почти всегда отфутболивали ко мне самому, в первую голову друзья и те, кому я изо всех сил бескорыстно помогал, – подразумевалось, что, если я в своих заботах спасителен для множества, то я самолично справлюсь с недолями своими и не допущу надвигающегося краха.

Выручали меня, Татьяну, дочь Ирину и сына Антона только отдельные из друзей и, как правило, малознакомые или чужие люди. У нас с Таней, англичанкой Татьяной Петровной, священной Танаакин, было редкое единство супружеское, но вместе с тем существовала раздельность. Я – снабженец тяглового типа, я – основной источник заработка и добытчик займов. Я вроде уже подчеркивал: чем скромнее нам жилось, тем великодушней и любовней был наш союз. Чтобы взять у кого-то взаймы, Таня никогда не унижалась для этого.

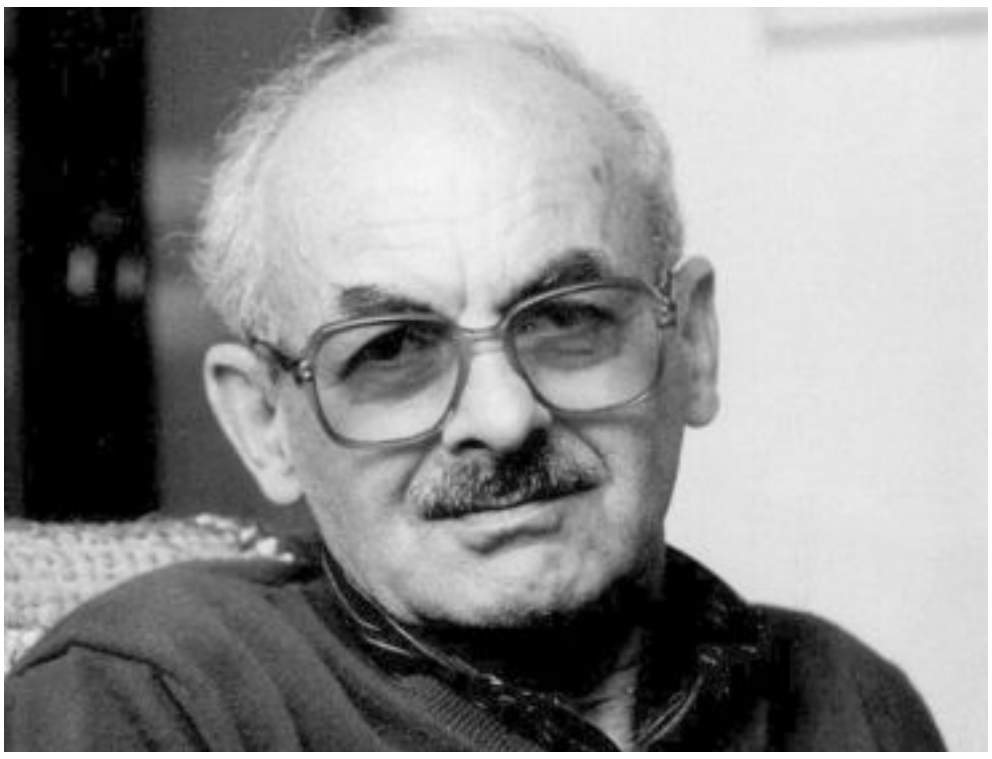
Я, барачный простак и выкормыш, не считал зазорным перехватить у кого-нибудь потребную копейку, я – поисковик клиник и медицинских институтов по профилю болезни моих жены, сына, дочери, меня самого; она – учительница колоссальной самоотдачи, кто не мыслит свою судьбу вне школы, как я не мыслю себя вне литературных труда и занятий. Она, прежде всего она, воспитывает наших детей и готовит пищу. После школы она из-за болезни сильно выматывается, должна, дабы не рухнуть, обязательно поспать; исполнив днем все это, к ночи она добровольно, с желанием, истинно притягательным и святым, садится за пишущую машинку и перегоняет все, а то и почти все, что я наработал накануне. Неужели самопожертвенность эту святую вероятно свести к боевитости? И никто нам не вез, не нес лучшую еду, лучшую одежду, лучшие книги...

Жил рядом с книготоргом

На протяжении лет я замечал, что некоторым секретарям обкома-горкома партии что-то привозили, однажды, на Магнитке, новому первому секретарю горкома доставили бесплатно спальный гарнитур. Недостижимость партийно-государственной власти делало недосягаемым для нас блатные, лакейские и преступные услуги, тем более их неприятие обеспечивала наша нравственность магнитогорцев, причастных к честности металлургов аглофабрик, домен, мартенов, коксохима и проката...

О добывании продуктов я говорил. Одеждой нелепо хвастать: в Калуге я носил единственный костюм нижесреднего достоинства и семисезонное пальто из пилакса – японского резинистого материала, – в электричках, метро, толпах отсыревающего изнутри. Страдающий от банно-жаркой влажной прели, я называл его пальто незадачливых покупателей, бедняков, даже душегубкой. Учительница, педагогиня, красавица, жена моя не могла столь пагубно и бедно одеваться. К сентябрю каждого нового учебного года нам удавалось приобрести ей только одно яркое платье или хороший костюм, дабы она не вызывала у школьников своей английской группы раздражение. Что касается духовно-языкового воздействия, я не помню случая, когда приходил к ней во время урока, чтобы всласть не заслушивался вместе с ее учениками. Я сожалел при этом, что у меня такой прекрасной иностранки не было.

И книг домой не приносили. Я жил рядом с книготоргом, дружил с продавцами и директрисой, помогал им делать заказы по издательским кланам, в отдельных случаях предусматривал заказ и на себя, что не исключало необходимости отслеживать привоз желанной книги или принос ее в букинистический отдел. На собрания сочинений обычно не претендовал в надежде, что оформлю подписку в столичной книжной лавке писателей на Кузнецком мосту. На подписные издания были огромные очереди. Там, в лавке писателей, как правило, покупались мною книги, на которые возникал в Калуге повышенный спрос.



«Прозу Булата Окуджавы я узнал по «Школяру»...»

Деревни, поселки, районные города области, куда я нет-нет и выбирался, тоже обеспечивали приобретение желанных книг из-за меньшей, чем в Калуге, покупательной способности населения. Исключения, несомненно, имелись: тот же Козельск (военные, экскурсанты, туристы), Обнинск, Малоярославец, Боровск, Мещерск... Ну, конечно же, доставка на дом была: мы покупали ведрами у женщины из деревни Мстихино говорушки – весенние опята, а поближе к осени и осенью – нежинскую рябину. Татьяна Петровна делилась с этой благороднейшей, умной женщиной, соломенной вдовой (вышла замуж, и в тот же день ее муж отправился добровольцем на фронт), заболевшей в войну неизлечимой болезнью – слоновой, своей одеждой, не обносками, конечно, а той, которая имела приличный вид или новой: не такое время, чтобы накапливать в гардеробе тряпки. Я и сам не держал больше одного костюма: обзавелся вторым костюмом – прежний отдам кому-то из двоюродников-троюродников, не реже – собрату по перу, из поэтов – тому же Спартаку Куликову, чокнутому разведенцу огромного метафорического дарования.

Деревни, поселки, районные городки обеспечивали в шестидесятые приобретение желанных книг

Сатанинская брошюрка

Судя по ксерокопии, четырехстраничной, подкинутой на мое крыльцо, и по тексту книжонки, выпущенной в 2002 году, изданной московской организацией Союза писателей России, Ткаченко подпечатывал к ста пятидесяти экземплярам «Переделкинских прогулок» еще сколько-то сатанинской брошюрки: есть в текстах разночтения, направленные на агломерацию всевозрастающей, злобной клеветы на меня, на мою литературную службу, общественную работу. Дескать, приехал он в 1965 году со мной знакомиться, в Калужское отделение, поселившись в Обнинске, благодаря второму секретарю, кандидату технических наук Лесничему. Тут он сработал и топором (враз все головы срубил калужским писателям), и как беззастенчивый фальсификатор.

Я уже затрагивал момент визита ко мне Анатолия Ткаченки. Сей исторический визит случился в конце 1963 года и был совсем иным. И вот его интерпретация: «Познакомился я с ним в 1965 году, когда поселился в Обнинске и поехал в Калугу становиться на писательский учет. Ответственным секретарем областной организации был Воронов, года за два до этого приглашенный из Магнитогорска возглавить созданную калужскую писательскую организацию, в чем Калуга отстала от всех других российских краев и областей. И потому делалось все по установке свыше, под руководством обкома и в такой спешке, что пришлось приглашать на княжение «варяга», так как местные четыре-пять литераторов, наскоро принятых в СП, были уж совсем мелки для столь видной должности».

Напомню, что мой переезд из Магнитогорска вынудило опасение за жизнь супруги и сына. За помощью я обратился к Анатолию Викторовичу Чехову – куратору областей и краев Союза Писателей РСФСР. Он знал, что у писателей Калуги есть потребность в областной организации. Она могла возникнуть еще в бытность там поэтов Булата Окуджавы и Николая Панченки. О них-то не скажешь, что они «были уж совсем мелки для столь видной должности». Разве подходили под столь мерзкое уничижение и прозаики Владимир Кобликов и Михаил Лохвицкий? Лишенные бешеной заносчивости Ткаченки, Кобликов и Лохвицкий обладали не меньшим профессионализмом, чем он, и большим влиянием на чувства и другие виды восприимчивости читателей. Что касается Н. Панченки и Б. Окуджавы, то по своим способностям он едва ли поднимался выше их колен.

«Девочка плачет – шарик улетел»

Не собираюсь гадать вертлявым образом, тем более лгать, как это постоянно делает Анатолий Сергеевич, что побудило Окуджаву и Панченку покинуть Калугу, но я переживал, что Николай Васильевич, которого я находил крупным поэтом фронтового поколения, уровня Семена Гудзенки, Павла Когана, Сергея Орлова, отбыл в столицу почти перед самым моим приездом.

Булата я мало знал как поэта, чуток знал как барда – нас познакомил в зале Дома литераторов поэт Григорий Поженян, тогда мой друг, и по настоянию Григория Окуджава, аккомпанируя себе на пианино, спел две-три песенки, из коих в моей памяти задержался лишь «Шарик» («Девочка плачет – шарик улетел, ее утешают, а шарик летит. Женщина плачет – муж ушел к другой, ее утешают, а шарик летит. Плачет старуха – мало прожила, ее утешают, а шарик вернулся, а он голубой»).

Прозу Булата я узнал по «Школяру» в «Тарусских страницах», подаренных мне редактором этого знаменитого сборника Владимиром Кобликовым. Все это я подчеркиваю, дабы возвратить Калугу к традиции варягов. При этом я вполне допускаю, что, если бы я не обратился в СП РСФСР помочь мне перебраться в центр России, то годик-другой еще не шевелились бы обкомовцы, чтобы создать отделение союза. То, что там стало в обкомах, тоже сыграло свою роль.

Здесь уместно заявить, что Ткаченко бесстыдно сдвигает даты, коль то или иное время не укладывается в замыслы его дьявольского вранья в его пользу. Без моих хлопот официального лица и уважаемого за культурно-духовную поддержку Обнинска Ткаченке не удалось бы вступить в жилищный кооператив. Я приобщил к его проблеме не только второго секретаря Лесничего, но и заведующую отделом пропаганды Азу Павлову, муж которой был главным хозяйственником атомограда.

Почему Ткаченко эту фальсификацию содеял? Чтоб никто не смог возмутиться: ах, какая, дескать, сволочь: человек перетащил тебя с острова Сахалина почти в столицу, а ты мерзишь его «мелким бесом» соцреализма. В переделкинском фрагменте о прозаике и поэте Владимире Алексеевиче Солоухине он постоянно наваливает безнравственность на редкого самобытностью, многознанием, поиском писателя с Владимирщины. А нравственно ли то, что ты хулишь благодетеля и, быть может, спасителя?

Заарканенная красавица

Приехав ко мне, ответсекретарю, в Калугу в 1963 году и моментами встречаясь со мной у себя на Садовом Кольце Москвы в съемной комнате, он не скрывал, что увел редактрису своих книг Лилю у южносахалинца, который, как сам же Анатолий Сергеевич хвастался, мог бы его пришить, что подавалось им под знаком его, ткаченковской доблести, а на самом деле раскрывалось в застольях, подтекстом, как бегство, чуждое элементарному достоинству и мужеству.

Он чувствовал, что я глух к его снулой беллетристике, не спасаемой шлифовкой и пестротой, и испытываю неприятие ее внесоциального содержания. Сглаживая это впечатление, к моим заходам в свою роскошную для коммуналки комнату он зазывал очеркиста Владимира Яковлевича Канторовича, очень смелого для той поры эколога, искреннего, огромного обаяния человека, испытанного на излом в тюрьмах и лагерях государственно-партийных катов: Ежова, Ягоды, Берии.

Верилось в благотворное влияние Канторовича на жесткого себялюбца Ткаченку, что заставляло довершать усилия, чтобы Анатолия Сергеевича напрочь ввели в кооператив Обнинска, где снабжение столичное и откуда квартирный обмен на Москву происходил без потерь или почти без потерь жилищного метража, отсюда и то, что вступление в кооперативы атомограда было затруднено даже для ученотехнических специалистов Обнинска. Укрепило расположение помочь Ткаченке знакомство с Лилией Владимировной, заарканенной им красавицей Южно-Сахалинского издательства. Лилию Владимировну он взял в жены с условием обретения его отцовства над ее от рождения больной дочерью. И это послужило ему в благоприятствовании с моей стороны

Продолжение следует.

> Глаза читателя более строгие судьи, чем уши слушателя. Вольтер